

Свердловское региональное отделение
Союза театральных деятелей Российской Федерации
(Всероссийское театральное общество)
Министерство культуры Свердловской области
Управление культуры Администрации г. Екатеринбурга
Ассоциация театров Урала
Объединение заводов «Финпромко»

XXXIV СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОНКУРС ТЕАТРАЛЬНЫХ РАБОТ

ФЕСТИВАЛЬ

22 МАЯ 2014
ЕКАТЕРИНБУРГ

Браво! 2013

Фестивальная газета
Выпуск 3

Без срока давности

В год 450-летия Шекспира Серовский Театр Драмы поставил спектакль «Ромео и Джульетта». На фестиваль «Браво!»-2013 труппа привезла с собой не только декорации, но и весь зрительный зал, то есть платформы, из которых на сцене Екатеринбургской драмы выстроили амфитеатр. Возможно, поэтому артисты чувствовали себя совершенно как дома и замечательно отыграли свой спектакль. Мы поговорили с режиссером постановки – Юлией Батуриной

Как вы считаете, истории Шекспира всегда нужны и важны, или есть периоды, когда они особенно актуализируются?

Шекспир писал для народа. И все его пьесы, не считая, может быть, последних хроник и более философской «Бури», по сути, очень просты. А «Ромео и Джульетта» – одна из самых прозрачных его историй. Я Шекспира ставила три раза. Эта постановка – вторая, сначала был «Ричард III», а сейчас делаю «Короля Лира» в Каменске-Уральском. Я открыла для себя такую истину: в постановках по Шекспиру нельзя врать. Если на сцене начинают кричать излишне, получается плохой театр. А если все проходит через нутро, весь пафос уходит. А еще Шекспир – это мой автор. Я холерик, и он очень хорошо мне по темпераменту подходит. У меня сейчас два любимых автора – это Шекспир и Пулинович.

Почему вы переносите действие именно в Японию?

Я просто Японию люблю. Это загадочная страна... Шекспир писал итальянцев, потому что они очень импульсивные, страстные. А японцы, на первый взгляд, совсем другие. И мне было интересно проследить развитие истории у них. Мы всем театром изучали Японию, буквально побывали там! И, как оказалось, ничего особенного, человек остается человеком, в какой бы стране он ни родился. Любовь везде одинакова! Поэтому можно перенести действие хоть в Африку, хоть в Пермь: проблемы те же самые будут.

У нас же жанр «фан фикшн», а это значит, «что хотите, то и делайте». Это наш взгляд. Ведь история Ромео и Джульетты очень известная, даже тем, кто не читал пьесу, – все ее знают. И у меня одной из задач было удивить себя и зрителя. Мне было любопытно, как у нас, в маленьком Серове, это воспримут. И оказалось, что для нашего города очень интересна

Япония и эта история в Японии. Конечно, зал всего на 90-100 человек, но билетов не достать – все распроданы! Иногда играем по два раза в день. Для меня это был шок. Я думала, что будет фестивальный спектакль, а оказалось – нет. У меня более 70 работ за плечами, и это первый раз, когда спектакль получился одновременно и кассовым, и фестивальным.

У вас есть любимый персонаж?

Да, брат Лоренцо. Мы открыли новое в этом герое. Лоренцо всегда делают таким суровым, а он обычный человек. Божий человек, но человек. У нас он пьет саке и любит хулиганить, но при этом готов на поступок. А совершив ошибку, карает себя. Ну

Джульетта - Александра Незлущенко,
Ромео - Алексей Наволоков

Одна из самых красивых и зловещих сцен спектакля:
Джульетта в фамильном склепе

и брата Лоренцо у нас играет Петя Незлущенко, замечательный артист! Такой же ненормальный, как и я.

А еще я очень хочу, чтобы вы обязательно написали, как сильно я благодарна нашему художнику по костюмам, девушке из Перми Лене Королевой. Она больше шестидесяти костюмов придумала и очень мне помогла. Лена такой же фанат своей работы, как я и все наши в театре. Сейчас мы опять вместе работаем над «Королем Лиром».

Когда вы делали спектакль, вы ориентировались на какого-то конкретного зрителя?

Да. На молодежь, конечно. «Ромео и Джульетта» – это молодежная история, хотя плачут все, и взрослые, и маленькие. И девочки, и мальчики, между прочим.

Это все ваш невероятный финал виноват. Когда Ромео и Джульетта

вместе неожиданно появились далеко-далеко на балконе (спектакль шел на сцене, зрители сидели к залу лицом) и начали махать нам руками, у меня просто перехватило дыхание.

Я не хотела хэппи-энда, но мне нужно было сделать так, чтобы было понятно, что они не зря свою жизнь отдали. Чтобы там они соединились. Они ведь ничего плохого не сделали, и там они вместе. И там им хорошо.

Хочется поздравить Серовский театр Драмы им. Чехова с тем, что спектакль «Ромео и Джульетта» прошел на фестиваль театров малых городов России, который пройдет в Московской области в июне 2014 г. Желаем удачи!

Подготовила Инна Афанасьева

Говорить во «Сне...» на одном языке

«Сон в летнюю ночь» режиссера Татьяны Захаровой – спектакль большой формы, он задействует едва ли не всех артистов Нижнетагильского драматического театра. Юрий Сысоев, исполнитель, пожалуй, самой яркой роли – альфа Пэка – рассказал нам, что общего у актера и хирурга, и как реагируют тагильчанена самую сексуальную пьесу Шекспира.

Пэка до вас играли сотни раз. Скажите, не страшно?

Страшно! И не важно, сколько его сыграли: три раза, тысячи, или ты играешь первым. Страшно над каждой ролью. Без шуток. Каждый раз приходится доказывать, что ты можешь и имеешь право на что-то. И сегодня было страшно, и дома. Чем больше роль, тем страшнее.

Готовясь к роли, вы смотрите предыдущие постановки или работаете только с оригиналом, с пьесой?

С одной стороны, я стараюсь не смотреть какие-то вещи. Но может быть и наоборот. У нас в Тагиле есть конкурс молодых артистов «АПАР-Те». На последний конкурс я делал монолог Ричарда. И это был один из многих моментов, когда я посмотрел и Райкина-Ричарда, в записи, конечно, и документальный фильм Аль Пачино «Работа над Ричардом». Но обычно стараешься не смотреть,

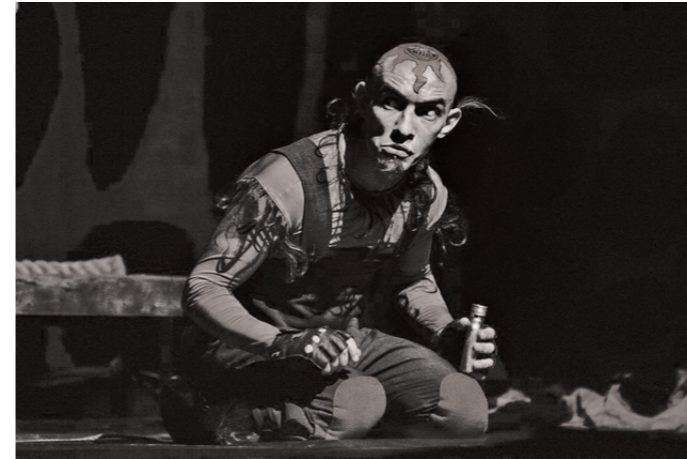

потому что увидишь и что-нибудь перетянешь. А не хотелось бы чужого, хотелось бы своего.

Расскажите, как в вашем городе приняли спектакль?

Неоднозначно. «Сон...» делит зал пополам: на тех, кто принимает и согласен разговаривать на этом языке и на тех, кто уходит после первого акта. Я для себя открываю это как разговор с иностранцем на своем языке. Он тебя никогда не поймет, если не готов к тому, что ты с ним сейчас будешь разговаривать не на его языке. Тоже самое и с публикой. Когда она не понимает язык, пришла и не читала этот материал, конечно, ей тяжело разобраться, что происходит. Думает: «Откуда, почему, что за кувьрки?». Другие зрители могут быть смотрели где-то, читали или не читали, но готовы к разному восприятию. Еще есть те, для кого Шекспир – это ШЕКСПИР, все должно быть чинно, благородно. Классика.

Продолжение на странице 3

Юрий Сысоев в роли Пэка

Сцена из спектакля «Сон в летнюю ночь»

У нас был отзыв от школьника, который написал: «Я даже не представлял, что Шекспир может быть вот таким». Это гораздо важнее, чем триста человек, говорящих «Да это не Шекспир!». Шекспир ведь, когда был молодой, сам не знал, что будет Шекспиром. Он писал «Сон в летнюю ночь» как капуста на свадьбу: придумали, сыграли, посмеялись, развеселили людей.

Вам, как артисту, приятнее работать с подготовленным зрителем?

Это тоже двойной вопрос. Конечно, приятно с тем зрителем, который знает, на что идет. Прочитал пьесу и как бы режиссер не повернул, зритель все равно будет в курсе, потому что знает, о чем речь. Но с другой стороны: а что же зритель, который не знает, о чем речь? Он купил билеты. Он же не виноват – ну, не прочитал. Но ведь пришел – значит, хочет увидеть и понять.

Татьяна Захарова, режиссер, сказала нам, что «Сон в летнюю ночь»

– самая сексуальная пьеса Шекспира. Вы согласны с этим?

Когда учился в институте, терпеть не мог «Сон в летнюю ночь». Читал «Ромео и Джульетту», «Гамлета», «Ричарда III» – все конкретно, нормально, понятно. Когда же мне в руки первый раз попался «Сон в летнюю ночь», я не мог его читать. Откуда взялись какие-то феи, какие-то непонятные цари? Но когда мы начали работать над этим спектаклем, Таня сказала: «Ребят, это все намного проще, чем вы себе представляете». Тогда все разложилось по полочкам. А насчет самой сексуальной пьесы – не знаю.

В вашей карьере были роли, от которых вы отказывались?

Нет. Я считаю, что профессиональный артист не имеет права отказываться от ролей, если он работает в театре. В первую очередь, нужно помнить, что это твоя работа. А как вы себе представляете хирурга, который пришел на

операцию и сказал: «Не-не-не, вот этот аппендицит я резать не буду, а этот возьму»? Скажут сразу же, что это непрофессионально. Точно также, если актер отказывается от роли, это непрофессионально, нельзя так. По-моему, нельзя. В моей практике такого не было.

Но если хирург думает, что не справится, то не лучше ли отказаться?

Боязнь «не справиться» нормального артиста, наоборот, должна подстегнуть: сломаешь ты зубы себе, либо выйдешь победителем. Но отказываться и говорить: «Нет, я не потяну»... Тогда уж надо сразу подходить к секретарю и говорить: «Будьте добры, подпишите мне, пожалуйста, заявление об уходе. Я боюсь».

Подготовила Сабрина Карабаева

Ямы и взлеты: как уживаются контрасты

В афише «Браво!»-2013 есть спектакль, который привлекает особое внимание. Еще до просмотра – именами постановщиков и выбранной литературной основой: повестью А. Куприна про обитательниц московского борделя, а во время просмотра – яркостью костюмов и безудержной энергией настоящего шоу. Исполнительница одной из главных ролей в этом спектакле – мюзикле «Яма» – Светлана Кочанова немного рассказала о его создании и о том, трудно ли переключаться после такой работы на обычную жизнь.

Театр уже второй раз приглашает эту команду постановщиков: Нину Чусову, Павла Каплевича, Александра Мустонена... Как вам вместе работается?

Петь дифирамбы, наверное, банально, но, действительно, работать

с Ниной Чусовой – это удовольствие. Она – человек контрастов: очень эмоциональна, часто кричит, и, в то же время, ты понимаешь, что она любит каждого артиста, каждому помогает. Нина абсолютно в процессе. Ощуще-

ние, что она – родной близкий человек, который просто помогает тебе делать интересное дело.

Павел Каплевич – шикарный импровизатор, мастер, который может делать костюмы из чего угодно. Какие-

Продолжение на странице 4

Сцена из спектакля «Яма». Светлана Кочанова (в центре) - Изольда Эдуардовна
Фото: Игорь Владимир

то материалы были куплены специально для постановки, а что-то он брал из того, что лежало на складе, а дальше начинались такие импровизации! Примерка с каждым артистом длилась по два часа, но это был абсолютно твой костюм, который создавался буквально у тебя на глазах, все индивидуально. Это и есть настоящее творчество.

Грамотно организована работа со светом, на нем – половина эффекта от спектакля. Это заслуга мастера по свету Александра Мустонена – он тоже совершенно замечательный.

Большая кропотливая работы была проделана по постановочной части, добивались буквально филигранной четкости. Декораций как таковых нет, как часто делается в современном театре: многое отводится работе со светом и пространством. Есть подвесы, штанкеты, которые должны вовремя подняться, опуститься, отъехать в сторону или сдвинуться к центру; есть свет, который вовремя включается, высвечивает нужное – это и создает весь эффект. Если не будет слаженности, филигранности в этих движениях, подьемах и спусках, что-то вовремя не включится – то все действие гроша ломаного стоить не будет. Вот именно этой кропотливой работой за-

нимались, особенно в последние дни работы над спектаклем, наши постановщики: Нина Чусова, Павел Каплевич и Александр Мустонен.

Не возникает ли диссонанса между, в общем-то, легкостью мюзикла как жанра и темой страданий несчастных падших женщин, живущих в своей «яме» – на Ямской, 5?

У меня диссонанса нет. Как-то очень умно написано либретто и музыкальное сопровождение. Тема тяжелая, но музыка, как мне кажется, очень мелодичная, создающая образ, характер, она помогает артисту. Спектакль не получился каким-то пошлым, скабрёзным, мы – артисты – даже сомневались, стоит ли ставить пометку «18+». Мы рассказываем вечную историю: что происходит с женщиной, когда у нее в жизни нет любви.

В спектакле внимание сфокусировано на истории четырех героинь: Соня, Тамары, Любы и Жени. Но ваша героиня – Изольда Эдуардовна, хозяйка Дома на Ямской, 5 – тоже очень яркая. В чем ее драма, ее история?

Моя героиня именно такая женщина без любви, со множеством разбитых, неисполнившихся надежд. Она так же попала в эту ловушку, как и эти девочки, которых теперь сама ловит в свои сети. Они же как мотыльки! Когда-то кто-то поймал ее, теперь она хватается своим сачком тех, кто приле-

Сцена из спектакля «Яма».
Фото: Игорь Владимир

Фото: Игорь Владимир

тает на свет: блеск и кажущуюся легкость жизни, на иллюзию «богатства просто так». Жизнь ее поколотила и она обзавилась. С одной стороны, Изольда, конечно, своих подопечных по-своему жалеет, но в ней все равно побеждает жадность, жажда денег – и это, опять же, от отсутствия любви. Потому что нет семьи, нет того, для кого стоит жить, есть только деньги. У людей, особенно у женщин, должна быть любовь, чтобы жить!

Вы согласились дать интервью сразу после спектакля, а не на следующий день, потому что собираетесь на дачу. В связи с этим очень личный вопрос: как удается совмещать жизнь в «шоу», которое отнимает много сил, и жизнь обычную? Как вы перестраиваетесь?

Очень люблю свою работу. Мы здесь очень счастливые люди, безумно счастливые! Мне нравится приходить на работу ненакрашенной, просто одетой. Ведь здесь получаю все это в избытке! Жизнь артиста очень контрастная, разная: на даче ты один, дома, с мужем и ребенком – ты другой, на даче – тоже отдельная история, а здесь, в театре, ты проживаешь особую жизнь. Конечно, для этого требуется больше эмоциональных сил. Сейчас – сразу после спектакля, я с вами разговариваю и кажется, что у меня такой неиссякаемый запал энергии, но сейчас я сяду в машину, доеду до дома и там – все: я пойму, что у меня нет сил разговаривать вообще. Захочется просто выключить все, почитать книжку и лечь спать. Обязательно нужен этот момент восстановления. Как говорит наш режиссер Кирилл Стрежнев, артиста все время пользоваться нельзя, обязательно нужно, чтобы у него заново «отрастала» душа, иначе он начинает съедать себя изнутри. Но это прекрасная жизнь! Человек, который весь день вынужден сидеть за компьютером, за столом, мечтает получить эти краски, эмоции, которые мы получаем здесь каждый день. И нам еще за это платят!

Подготовила Евгения Плясунова

Кто может с Вагнером на «ТЫ»?

Солист Московского музыкального театра «Геликон-опера», приглашенный солист Большого театра России Алексей Тихомиров и солист Екатеринбургского театра оперы и балета Ильгам Валиев о спектакле «Летучий голландец»

Расскажите о работе над спектаклем. Насколько близка Вам музыка Вагнера в целом и опера «Летучий голландец» в частности?

Алексей Тихомиров: Рихард Вагнер для меня – композитор, с которым на «Вы»: всегда казалось, что его оперы должны исполнять сами немцы, поскольку философскую глубину текстов вагнеровских опер способен передать лишь человек, владеющий немецким языком как родным. Петь Вагнера – это, безусловно, «знак качества», признак мастерства, свободы и «большого

Алексей Тихомиров - Голландец,
Млада Худолей - Сента

голоса» (учитывая усиленную группу медных инструментов в оркестре). «Летучий голландец» – опера несколько иного плана. В ней больше мягкости, лирики. Для меня, все же, взялся за Вагнера представлялось сложной задачей. Но дирижер Михаэль Гюттлер рассеял все сомнения. Михаэль – это всегда большая помощь на сцене и даже определенная доля гарантированного успеха. Пол Каррен – замечательный режиссер, в котором талант сочетается с простотой и непосредственностью в общении. Чувствуется, что он не понаслышке знает о нашей культуре и бесконечных гранях русской души. Четко обозначив основные задачи, «костяк» спектакля, режиссер дал полную свободу солистам – свободу в поиске и наращивании смыслов, образов, которые не могут поддаваться однозначной оценке. В образе Голландца, скажем, я нашел что-то холодное, отталкивающее, даже демоническое (от Мефистофеля). С виду грозный и неприступный, он совершенно другим предстает во втором действии – беззащитным и ранимым.

Восхищает в этом спектакле и работа художника (Гэри Макканн): на меня, например, произвели неизгладимое впечатление декорации, которые просвечиваются и создают эффект буквально зримых призраков. В общем, здорово!..

Ильгам Валиев: Надо сказать, что я впервые исполнял Вагнера и впервые работал с режиссером Полом Карреном. В студенческие годы нам преподали музыку Вагнера как что-то очень жесткое, громкое, тяжеловесное. «Летучий Голландец» же – это совсем другой Вагнер: прозрачнее, человечнее, что ли... Плюс еще один стереотип: оперы Вагнера должны исполнять лишь «вагнеровские» голоса. К тому же, немецкий язык с обилием согласных, на мой взгляд, не всегда удобен для пения (в отличие, скажем, от итальянского или французского). В связи с этим, сначала была внутренняя борьба и даже боязнь (несмотря на то, что партия Эрика особой сложности для меня не представляла). Однако приезд мастеров, с которыми мы работали над произношением и стилем в целом, разрешил эти проблемы. В итоге, спектакль получился достаточно органичным, синтезирующим в себе прекрасную музыку и интересный сюжет (в основе оперы – легенда о корабле-призраке). Сотрудничество с режиссером очень порадовало: в работе с Полом Карреном не было ни малейшего напряжения, столь типичного для постановок. Он сразу внятно поставил задачи, объяснил свое видение спектакля (благо, Пол Каррен прекрасно владеет русским языком, и наш менталитет ему не чужд). Михаэль Гюттлер (также дирижер-постановщик спектаклей «Корсар», «Тоска», «Борис Годунов») – большой мастер, и для нас большая честь с ним работать. Ну и, конечно, не могу не отметить сильный состав артистов, задействованных в спектакле: Алексей Тихомиров, Станислав Швец (Голландец), Млада Худолей, Елена Деметьева, Ирина Риндзунер (Сента),

Ильгам Валиев - Эрик, Млада Худолей - Сента

Гарри Агаджанян, Михаил Коробейников (Даланд), Николай Любимов (Рулевой)...

Как оцениваете возможность Екатеринбургского театра оперы и балета на сегодняшний день, его «место» на музыкальной карте страны?

Ильгам Валиев: Грандиозные результаты «Золотой Маски», я думаю, говорят сами за себя. На сегодняшний день Екатеринбургский театр оперы и балета стал, не побоюсь этих слов, одним из лучших театров России. Немалое количество премьер, востребованность балета, признание публики, высокая оценка критиков – тому подтверждение. С нетерпением жду будущего «Риголетто» и долгожданную для нас и, особенно, зрителей (о чем свидетельствуют многочисленные вопросы в социальных сетях) «Кармен». Наличие в репертуаре таких шедевров оперной классики, как «Отелло», «Травиата», «Риголетто» Верди, «Богема», «Тоска», «Мадам Баттерфлай» Пуччини, полного комплекта русских опер – показатель того, что театр крепко стоит на ногах. Работать в таком театре престижно. И вдвойне приятно, когда твой труд оценивается по достоинству. Не поверите, на одной из постановок «Тоски» присутствовал депутат Законодательного Собрания Свердловской области, который был настолько впечатлен исполненной мной ролью Каварадосси, что через некоторое время я получил Диплом за большой вклад в развитие культуры Свердловской области.

Алексей Тихомиров: Вообще, хочу сказать, что я полюбил этот театр всей душой. Очень благодарен тому, что коллеги так тепло ко мне относятся. Солисты, хор, оркестр – прекрасные люди, общаясь с которыми я получаю большое удовольствие. Я думаю, когда есть свои традиции, когда есть преемственность поколений (в Екатеринбургском театре «матерью» артисты делятся своим опытом с молодежью – редкий случай!) – это тот фундамент, благодаря которому театр сможет сохранять ведущие позиции на российской и мировой арене.

Подготовила Яна Ферран

«Человек в деревянном мальчике рождается одновременно с осознанием ответственности»

Екатеринбургский театр кукол представил спектакль «Пиноккио» — свою совместную работу с итальянским «Zaches Teatro». О смерти, инициации и детском театре мы поговорили с куратором проекта — Маргаритой Шегал.

С чего началось ваше знакомство с «Цахес-театром»?

Началось все с V Международного фестиваля «Петрушка Великий» в 2010 году, на который «Цахес-театр» привез спектакль «Фауст! Фауст!». Мы были просто очарованы эстетикой этого театра, в свою очередь, они были под огромным впечатлением от нашей труппы, и возникла дружба. Через год возникла идея совместной постановки.

Над материалом мы думали не очень долго. Нам хотелось детский спектакль, а Пиноккио — один из центральных символов итальянского детства. К тому же, наши дети, в основном, знакомы не с оригиналом Коллоди, а с переложением Алексея Толстова под названием «Золотой ключик». А это две абсолютно разные вещи, на абсолютно разные темы написанные. И нам стало интересно, как наш зритель воспримет именно аутентичного итальянского Пиноккио, в то время как Цахесам было интересно воссоздать оригинальное прочтение Коллоди, потому что интерпретаций масса. В итоге, спустя три года после знакомства, у нас появилась такая совместная работа.

То есть, для итальянского театра такое прочтение тоже непривычно и необычно?

Европейцы подобным языком, конечно, менее шокированы, чем наш русский зритель, но все равно, на фоне других интерпретаций «Пиноккио», эта у них вызывает интерес. Буквально на днях у «Цахес-театра» в Италии выходит своя версия «Пиноккио», если у нас спектакль рассчитан для детей от восьми лет, то у них от двенадцати.

То есть спектакль будет еще страшнее?

Я бы не сказала, что страшнее. Страх состоит в том, что весь спектакль с детьми говорят о смерти, а для нашей культуры тема смерти до сих пор табуирована. Она пугает. Хотя в спектакле всегда, когда перед Пиноккио возникает угроза смерти, она обязательно снимается какой-нибудь комической зарисовкой, и идет объяснение, что эта смерть не настоящая. К тому же мы не забываем, что на протяжении всей истории Пиноккио — деревянный мальчик, который не может по-настоящему умереть. И только когда он начинает осознавать, что каждое его действие важно, потому что в любой момент может наступить конец, только когда он понимает, что есть смерть, в нем зарождается жизнь.

Он это осознает, когда тонет?

В нашем спектакле отражены не все приключения Пиноккио, которые описаны в книге Коллоди. У нас он осознает, что сам является причиной всех несчастий, когда попадает в пасть к чудовищу, вспоминает про своего отца и понимает, что любовь к нему — это стрежень, который его держит. Человек в Пиноккио рождается одновременно с осознанием ответственности за свои поступки.

Интересно, что для режиссера главным героем была фея, которая конструирует препятствия для Пиноккио, чтобы он смог вырасти, чтобы смог стать

мальчиком. Она демиург, творец всей истории. И ведь все зло не настоящее, потому что фея всегда подстраховывает, всегда выручает. Но при этом она понимает, что если бы Пиноккио сам бы не подошел к самой крайней точке, он бы так и остался деревяшкой.

Для меня ваш спектакль стал настоящим воплощением праудинской идеи о том, что детей в зрительном зале нужно пугать, чтобы они сидели в напряжении...

В основе практически любых сказочных сюжетов лежит завуалированный обряд инициации, который заключается в столкновении человека со смертью. В театре мы не должны забывать, что сюда приходят не только развлекаться. В эстетике, помимо «прекрасного» и «комического», существуют и другие категории, например, «трагическое», «безобразное», «низменное». Психологически их воспринять человеку сложнее. Но если ребенка с детства не учить воспринимать вещи, которые вызывают недоумение, он будет не очень подготовлен к реальной жизни и не сможет полноценно воспринимать и оценивать весь объем информации.

Чему труппа научилась после совместного творчества с «Цахес-театром»?

У итальянцев способ работы совершенно другой. У нас обычно режиссер объясняет задачу, а актер может пойти домой, пожить с ней, осмыслить... И рано или поздно сделает все как

Анастасия Овсянкова - Пиноккио, Татьяна Жвакина - фея с голубыми волосами

Продолжение на странице 7

Евгений Сивко - Дрессировщик

Зрители о спектакле:

Катя 12 лет:

Мне не очень понравился спектакль, потому что здесь очень много про смерть, герои очень много раз умирали — хоть и не по-настоящему, кролики все время приходили, чтобы в какое-нибудь нехорошее место Пиноккио забрать. Мне понравился поклон, потому что я пою в Театре оперы и балета и знаю, как хорошо людям после спектакля, когда они все сыграли уже и начинают веселиться: «Все, мы это сделали, мы молодцы!»

Ирина, 9 лет:

Спектакль мне очень понравился. Пиноккио не учился, ленился. Было красиво, но немножко страшно — когда, например, толстый красный дяденька хохотал.

надо. Луана же требовала немедленной отдачи. Потом мы работали на трех языках: итальянском, русском и английском. Полилингвистическая атмосфера создавала определенные сложности, но в определенный момент у меня появилось ощущение, что информация лучше передавалась на каком-то энергетическом уровне. Наши артисты подчеркнули многое в плане того, как правильно работать с маской. Например, надо очень точно понимать, где и когда ты находишься, представлять какие лучи на тебя сей-

Аня, 11 лет:

Не знаю — может, спектакль мне понравился, может и нет... Мне понравилась фея. Потому что она сказала Пиноккио, чтобы он выпил лекарство, а никто другой не додумался бы до этого никогда. С Пиноккио все это нехорошее происходило, потому что он был очень доверчивым. Когда его подвесили, было страшно, потому что это было как будто по-настоящему.

Ксюша, 12 лет:

Спектакль очень понравился. Больше всего мне понравилась Мальвина, ну, Пиноккио тоже ничего, только он много врал.

час падают, потому что эмоция на маске очень зависит от освещения.

Для меня, как для куратора, было невероятно приятно видеть, насколько ребятам интересно и хорошо внутри этого спектакля. Зритель очень важен, но когда от спектакля получают удовольствие еще и артисты, это, наверное, идеальная ситуация.

Подготовила Инна Афанасьева

Катя, 12 лет:

Мне спектакль не показался страшным. Больше всего понравилось, когда Пиноккио познакомился с Мальвиной.

Мы сами здесь все «заповедник»

На спектакль «Заповедник» по одноименной повести Сергея Довлатова многие зрители пришли задолго до начала. Увидеть на сцене произведение любимого автора — событие радостное и до мурашек волнующее. Совпадет ли чужой Довлатов с родным твоим? Зрители ходят кругами вокруг фонтана, перечитывают повесть или обмениваются бессвязными цитатами, нелепо вспоминая душным вечером, «отморозил пальцы ног и уши головы» и заслуженно получая в ответ «любить публично — скотство!».

Посмотрев спектакль, мы поговорили с Людмилой Матис, художественным руководителем Каменска-Уральского театра «Драма номер три», о разном Довлатове, интеллигентных зрителях и большой проблеме.

Расскажите, пожалуйста, как на сцене появился «Заповедник».

Началось с того, что мы поставили «Бесприданницу» с Артемием Николаевым. Спектакль оказался очень удачным и, естественно, у меня сразу же возникла идея предложить Артемию поставить с нами еще один спектакль. Стали выбирать. Он предложил несколько названий — немного. Мне

очень нравится Артемий тем, что он не предлагает целый список, знаете, как многие часто говорят: «Я могу и то, и то, и то...». Он же вынашивает очень очень важен материал, который он ставит. Артемий понимает, что хочет сказать. Он сам и написал инсценировку.

Вам нравятся произведения Довлатова?

Продолжение на странице 8

Мне он очень интересен. Я вообще люблю умных людей, да еще вдобавок остроумных и думающих. Довлатов думал, сомневался, терзался. Поэтому материал роскошный! Он очень близок нам. У него речь идет о России, о родине. Я не люблю громких слов, но на самом деле ведь есть большая проблема. Мы живем в небольшом городе, из которого уезжает очень много людей, и мало того, что живем – мы строим там театр. Очень много друзей, учеников, уехали в разные города, в том числе и в Екатеринбург. А что делать-то с Каменском? Как я подумаю: если бы все эти талантливые ребята, которые уехали из города, остались – вот это был бы такой театр! Но кому-то нужно жить там, где родился. И понятие родины для нас не бессмысленное. Мы к этому на самом деле так серьезно относимся: строим наш город, наш театр. Хотим, чтобы он становился лучше. Довлатов тоже мучился, потому что можно было уехать. Но, собственно говоря, уехав, он, его семья, не так много обрели. Поэтому материал непростой, в нем столько противоречий. Как и в нормальном каждом человеке. Довлатов настоящий. Он не делал что-то ради денег, выгоды, ради того, чтобы кому-то угодить или понравиться. Он из настоящих людей. Но пьяница, да.

Как в Каменске-Уральском приняли спектакль?

У нас нет вала на этот спектакль. На «Бесприданницу», например, идут больше и охотнее. Мы анализировали это и думаем, «Бесприданница» – это

классика, ее знают все. К тому же про любовь. Довлатова знает, в основном, интеллигенция. У нас рабочий город. Не такой большой слой населения Каменска увлечен Довлатовым. Интеллигенция, люди с высшим образованием, конечно, уже посмотрели. И они очень хорошо восприняли. У нас и пресса в городе была очень хорошая. Но есть часть зрителей, которая даже уходила со спектакля. Немного, конечно, но все-таки. Вдруг встает женщина с первого ряда и уходит. Почему? Не хватает понимания театра, ей кажется, что спектакль о пьянстве. Но «Заповедник» как раз против пьянства как такового. Может быть, кому-то не хватило терпения. Не думайте, что со спектакля пачками уходят – этого нет. Но о его судьбе все равно беспокоюсь. Очень надеюсь, что мы попадем еще на какие-то фестивали. Думаю, если привезем с фестивалей награды, у нас больше пойдет зритель.

Скажите, а как вы относитесь к критике?

Я абсолютно спокойно отношусь. Любой человек, посмотрев спектакль, имеет право о нем что-то сказать. Театр – дело публичное. Если не хочешь, чтобы тебе говорили то, что думают, тогда какой смысл выходить на сцену?

Сегодня, пожалуй, каждый зритель пришел со своим образом Довлатова.

Когда мы только прочитали материал и еще не было распределения ролей, подумали: так у нас же нет в труппе Довлатова. Конечно, можно было сказать и остановиться: «Нет, здесь нет Довлатова». И вообще ничего не сделать.

Максим Цыганков - Борис Алиханов, Инга Матис - Таня. Фото: Алексей Фадеев

(слева направо) Максим Цыганков - Борис Алиханов, Светлана Лаптева - Виктория Альбертовна, Натэлла - Мария Зворыгина, Аврора - Татьяна Петракова. Фото: Алексей Фадеев

Но у нас не было задачи воспроизвести портрет Довлатова, мы взяли его произведение. Главный герой – не Сергей Довлатов, а Борис Алиханов. Мы не проводим между ними знак равенства. Интересно, что мы во время работы стали называть себя «заповедником». Вот Михал Иваныч, который вылезает из ямы, наш артист Владимир Сапин, или хранительница музея, экзальтированная особа, наша артистка Светлана Лаптева. Мы сами здесь все «заповедник».

Подготовила Сабрина Карабаева

Над выпуском работали: Инна Афанасьева, Сабрина Карабаева, Яна Ферран, Анастасия Кошелева, Евгения Плясунова.

Использованы фотографии из архива Серовского театра драмы им А. Чехова, Нижнетагильского драматического театра им. Д. Мамина-Сибиряка, Екатеринбургского театра оперы и балета, Свердловского театра музыкальной комедии, Екатеринбургского театра кукол, Театра драмы г. Каменска-Уральского.

УЧРЕДИТЕЛИ ФЕСТИВАЛЯ

Министерство культуры Свердловской области

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗАВОДОВ

АССОЦИАЦИЯ ТЕАТРОВ УРАЛА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ФИНПРОМКО

ПАРТНЕРЫ ФЕСТИВАЛЯ

apelcin.ru Мы знаем о культуре все

